

1-2020

100 слов о...

стихотворения и проза

Коллектив авторов Мария Вячеславовна Соседко 100 слов о...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54097943

100 слов о...

ISBN 978-5-907258-47-1

Аннотация

Сборник стихотворений и прозы «100 слов о...» – это книга о людях и судьбах, о поисках счастья, это исповедь тех, кто дорожит своими воспоминаниями и умеет мечтать. Здесь есть место любви, благодарности, чуду, радости и грусти – всему тому, что является неотъемлемой частью бытия и наполняет жизнь каждого человека. Герои произведений проявляют себя в отношениях – с родными, любимыми или обычными посторонними людьми, проходя проверку на человечность и доброту. Особое место в сборнике занимают страницы о Великой Отечественной войне, они проникнуты уважением к героям, преклонением перед их подвигом. Погружаясь в мир, изображённый писателями, читатель понимает: не стоит бежать за счастьем куда-то далеко, оно в самом человеке, в его корнях, в его памяти, в полноте жизни.

Содержание

Анна Андим	6
Яблочный Спас	7
Любовь Барина	10
Следуй за Музой	11
Градницы	12
Ольга Борисова	13
В минувшем	14
Вороны	15
Поэт на даче	16
Ночная зарисовка	18
Седьмой этаж	19
Марат Валеев	21
Хочу в армию!	22
Консультация	23
Анна на рельсах	25
Магия лунного света	27
Юлия Вебер	29
Так бывает	30
Владимир Вещунов	32
«Скребётся дождь на подоконнике...»	33
«Попрыгалось всё живое...»	34
Мягкие Холмы	35
Марина Вдовик	36

«Пять с половиной тысяч километров...»	37
«Тают ли снежинки на твоих руках...»	38
Владимир Гакштетер	39
Искушение	40
Гармония по-рыжему	57
Екатерина Годунова	59
«Любимый, вы меня не любите...»	60
«Граната красное тело...»	61
«Жизнь словно кофе: то горько, то сладко...»	62
«Лета кубик внутривенно...»	63
Андрей Голубь	64
Венский поездок	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

100 слов о...

© Коллектив авторов 2020

© Издательство «Логос», 2020

Анна Андим

Краснодар

Яблочный Спас

– Традиции, яблоки, Спас... ерунда это всё, – недовольно бубнила Степановна, передвигаясь осторожными шажками в сторону супермаркета.

Стояла обычная августовская жара, и пенсионерке, не один год маявшейся сердцем, с невероятным усилием давался каждый метр. Не радовало даже щебетание окрестных пичужек.

– Чего ворчишь, Ксения? – услышала стенания соседки возвращающаяся с рынка тучная Инна Григорьевна. – Ходить полезно, косточки разомнутся.

Степановна глубоко вздохнула. Как объяснить грубоватой бабе про сердечную болезнь?

– Тяжело, жара...

– А традиции каким боком, старая? – самодовольно подколола Григорьевна, гордившаяся пятилетней разницей в возрасте.

– Так яблок в доме нет, а вдруг как внуки нагрянут, – пропустила шпильку Ксения.

Инна бросила насмешливый взгляд:

– Приедут, как же, жди!

– А то. С Милочкой вчера по телефону разговаривала, она пообещала.

Григорьевна хохотнула:

– Вертихвостка твоя? Когда это она слово держала?
Знать бы тебя забыла, а ты всё названиваешь!

– Молодая, у неё свои интересы, к учебному году готовится, – встала на защиту любимицы Степановна. – И Славик...

Но Григорьевна уже не слушала, в неё будто чёрт вселился:

– Ноги об тебя вытирают, неблагодарные, а ты и рада.

Велики дела – по парням шастать. И старшего твоего недавно видала, холёный такой, как есть бандит!

Она смачно сплюнула.

Ксения отшатнулась, схватилась за сердце и часто-часто заморгала. Из выцветших глаз потекли слёзы. Инна, собиравшаяся добавить ещё пару крепких выражений, осеклась. Она смотрела на плачущую старушку, и ей вдруг вспомнилось далёкое детство, когда соседка Ксюша защитила малышку Инночку от забияки-мальчишки, а несколько лет спустя помогала непоседе с уроками. Как терпеливо выслушивала повзрослевшую девушку в момент первой влюблённости. И Григорьевна устыдилась. Всю жизнь Ксения вместо старшей сестры, а она... И когда очерстветь только успела?

Она подошла к Степановне и положила одну руку на плечо, проворно смахивая второй солёные капли с морщинистого лица.

– Прости, сама не знаю, что на меня нашло. Мои ведь тоже не балуют.

Ксения начала успокаиваться, а Григорьевна, будто

вспомнив что-то, выудила из сумки спелое яблоко.

– С праздником, старая! – Она тепло улыбнулась. – Бог нас не оставит!

Степановна, готовая повторно разрыдаться от такой доброты, покачнувшись, облокотилась на грузную Инну. Некоторое время они стояли, обнявшись. Послышался звук тормозов.

– Чего грустим, пенсионерки? – раздался бодрый мужской голос.

Ксения вздрогнула, отрываясь от Григорьевны, и повернула голову в поисках источника звука.

В следующее мгновение сильные руки подняли её над землёй. Старушка охнула, а мужчина засмеялся, чмокнул её ласково и поставил на прежнее место. Затем подхватил, отставленную на время большущую корзину с яблоками:

– С Преображением, бабуль! Угостишь внука чайком?

Обрадованная Степановна вцепилась одной рукой в Славика, а вторую протянула соседке. Так втроем они и зашли в подъезд, а на улице всё так же распалось солнце, пели птицы и в воздухе витал едва уловимый яблочный аромат.

Любовь Баринова

Бекрень, Тверская обл.

Следуй за Музой

Когда апрель звенит ручьями,
В ладонях – неба синева.
Поэзия играет с нами
В созвучья, рифмы и слова.

Слагает ямбы и хорей,
Рифмует лингвокружева,
И мы становимся мудрее,
Нас Муза под крыло взяла.

За нею следуй ежечасно,
Лови дыханье, вздох и взгляд.
Пусть дружба будет не напрасной,
Удачным – пятистопный ряд!

Градницы

За дальними рощами медленно тает
Осколок уснувшей вечерней зари,
А в светлой гостиной девчонка мечтает
О будущей жизни и вечной любви...

Смежает ресницы промозглая осень,
Горит за окошком рябины костёр,
А в небе всё та же слепневская просинь
Да Троицкий храм к небу руки простёр.

И хочется девочке вновь возвратиться
Сюда – повзрослевшей, немного седой,
Увидеть родные, любимые лица
И комнату ту, что была голубой.

Послушаем вместе, задержим дыханье
И, может, среди разговора толпы
Услышим парижского платья шуршанье,
На лестнице – лёгкие, Анна, шаги.

Ольга Борисова

Самара

В минувшем

Всё в минувшем: день прожитый, чья-то радость и беда,
Пораженья и победы, кем-то сказанное «да»,
Где-то вспыхнувшие ссоры и крылатое «прости»,
Этажей пугливый шорох, будней серые пласты.

Всё минуло с днём прошедшим, всё ушло в небытие.
По неведомым пределам растопталось житие.
По ступеням по скрипучим ночь ступает налегке.
Бой часов. Фонарь дворовый свет рассеял вдалеке.

Новый день спешит с просторов, обходя привычно мир.
Тихо-тихо, тонут звуки в скромной бытности квартир.
Спят родители и дети, в день грядущий смотрит век.
И по праву, как и прежде, счастье мерит человек.

Вороны

Две взъерошенных вороны устремились по делам,
Залетали на балконы, подбирали всякий хлам.
В клюве клад несли на крышу и вступали в разговор,
И кричали так, что слышал мир гортанный перебор.

Вновь, неведомым влекомы, распускали вширь крыла.
Вот одна кружит над домом, мимо окон проплыла.
А затем бочком присела у открытого окна,
Видно, что-то углядела и чего-то ждёт она.

Прячусь я за шторой серой и смотрю исподтишка.
Вдруг воровка входит смело на балкон за три прыжка.
Сорвала цветок герани, опрокинула горшок
И, как злобная пиранья, обнажила корешок.

Громко каркнув от досады, собралась в обратный путь,
Чтоб воронии рулады на заборе развернуть.
Вышла я из-за укрытья и смотрю беглянке вслед,
На цветов кровопролитья, на их обморочный бред.

А на крыше две вороны чистят перья и бока.
Привередливые донны клювом морщат облака.
Прикрываю шумно створки и защёлкиваю дверь...
Где же вы теперь, воровки?! Я закрылась от потерь.

Поэт на даче

Изогнула спину лампа, расплескала свет.
Ночь без сна, и тянет ляжку у стола поэт.
Рассвело, а он слагает. Исчеркал листы.
Первый луч в окне играет, тень сползла в кусты.

Крепкий кофе стынет в чашке, съеден шоколад.
На тарелочке – фисташки... отрешённый взгляд.
День ворвался в тишину дома свежим ветерком,
Встал поэт, вздохнул... истома подкралась тайком.

На крылечко вышел вскоре: «Здравствуй, белый свет!»
А с зелёного забора шепчет выюн: «Привет!»
И ромашки раскивались и метнули взор.
«Мы хозяина заждались», – слышится в укор.

В синем небе, словно в море, стая гордых птиц.
Крылья плещут на просторе у иных границ.
А на тонких ветках сливы воробьи шумят,
Сочных листьев переливы огласили сад.

«Вот где жизнь! – И на ступени шумно сел поэт,
Зажигалка на коленях, пачка сигарет. —
Вот где музыки стихия! Вот где мира суть!
Слышу рифмы и стихи я – взволновали грудь!

А в моих? В них нет и проку, только мига тень,
Предаваясь слов потоку, прославляю день.
А природа совершенна – торжество вокруг,
И букашка в ней бесценна, всё сомкнулось в круг. —

Он вздохнул. – И я прославлю этот мирный час,
Ускользящий бесславно в бытность мимо нас.
Воспою рассвет лиловый, мимолётность дня
И струящуюся нежность, что вокруг меня».

Седьмой этаж

Седьмой этаж, квадрат в квадрате,
Бетонный ряд жилых квартир.
В кабине лифта указатель —
Входящим он ориентир.

Спешит наверх, потом обратно
(Как на реке снуёт паром)
И створкой хлопает стократно,
Дрожа железным всем нутром.

На этажах – стальные двери,
Проход в таинственный уют.
И ряд замков – цепные звери,
Пройти чужому не дают.

Подслеповатые оконца
Бесцельно смотрят в небеса.
В лучах оранжевого солнца
Дома в строительных лесах.

Возводят их стеной друг к другу,
В шеренгу ровную стоят.
Заполонил собой округу
Высотный ровный градоряд.

Я на балконе, на Садовой,
Плыву под крышей, словно чёлн.
Седьмой этаж в квартире новой
Стать центром мира обречён.

Марат Валеев

Красноярск

Хочу в армию!

– Здравия желаю, товарищ военком!

– А, это опять ты! Зачем пришёл?

– Как зачем? Служить хочу!

– Повестка где?

– Я, так сказать, добровольно.

– Сейчас не война, а плановый призыв! И тебя, молодой человек, у нас в плане нет!

– Пятый год!

– Что – пятый год?

– Пятый год почему-то меня нет в планах вашего военкомата! Почему?

– Потому что ты студент!

– Неправда! Ещё в прошлом году закончил!

– Здоровье у тебя неважное!

– Вот справка! Здоровее меня в нашем городе никого нет!

– Ты единственный сын у больных родителей!

– И это фигня! У меня есть ещё сестрица. А на родителях, особенно на отце, пахать можно.

– Петька, подлец, сколько тебе можно говорить: пока я военком, не бывать тебе в армии! А ну, кругом марш! Постой, на вот тебе пять тыщ, думаю, хватит... Иди напейся да пропись!

Консультация

– Доктор, это правда, что вы лучший психолог в нашем районе?

– Можете не сомневаться. Ну, будем откровенны. Так что у вас за проблемы?

– Да вот, не поверите, доктор, не могу замуж выйти. Никто не берёт. К вам вот посылают. На консультацию. Все говорят – дело во мне самой.

– Не поверю! Вы такая красивая, молодая, глазки вон у вас какие...

– Какие такие?

– Ну, воодушевлённые как бы. Как бы живые такие глазки.

– Нет уж, давайте-ка без «ну». Какие такие у меня глаза?

Что вы мне тут не договариваете?

– Да что вы, ничего я не недоговариваю!

– Что значит: «Как бы живые такие глазки»? Уж не хотите ли вы сказать, что они у меня нахальные?

– Да не то чтобы... Скорее – дерзкие!

– А-а, так вы решили оскорбить меня?

– Да с чего вы это взяли?

– Вы только что назвали мои глаза мерзкими.

– О, так вам не я нужен, а врач-лор. Ухо-горло-нос который. У вас со слухом что-то.

– Это у тебя сейчас что-то с ухом станет, козёл!

– Я бы вас попросил...

– Что, и ты туда же? Все вы только об одном и думаете!

Попросил бы он... Так на же тебе, на, на, похотливое ты животное!

– Ой, зачем же вы деретесь туфлей! Ай, уши, уши! Алё, полиция?! Убивают!!!

– Ладно, живи, пошла я. Ну и где тут замуж выйти? Когда кругом одни козлы. Даже среди психологов... Тьфу!

Анна на рельсах

– Ну и чего ты тут разлеглась, как барыня?

– Уйдите, сударыня, прошу вас, не мешайте мне!

– Как же это я уйду, коли это мой участок и я его должна осмотреть.

– Мне до вас нет дела, проходите дальше.

– Зато мне есть. Здесь не должны находиться посторонние предметы. А тем более тела!

– О боже! Тело, тело... Да, скоро здесь будет обезображенное тело.

– Так ты ещё кого-то ждёшь? Бомжа какого безобразного, что ли? А с виду вроде ничего женщина, трезвая, и вон как прилично одета. Ну, вставай давай.

Ещё простынешь по женской-то части. Мучениев потом не оберёшься. Да и супруг будет недоволен. Кто у нас муж-то?

– Он очень богатый, известный человек. Хотя, судя по вашей странной одежде, вы не из нашего круга и, скорее всего, не знаете моего супруга.

– А, так он у тебя из этих, как их там, из олиграхов, что ли?

– Нет, он не граф. Он князь. А я люблю другого.

И в этом моё несчастье! Скажите мне, сударыня, когда же будет скорый поезд?

– Граф, князь... Да нонче какое хошь звание купить можно. Так это, выходит, ты из-за каких-то двух козлов с дутыми званиями лежишь тут, на рельсах? И скорого ждёшь? Так я тебе скажу, что скорые здесь не ходят.

– Как это не ходят? Всегда ходили, а теперь – нет?

– Ты не на ту ветку легла, девонька! Здесь только грузовые шлэндают. И то в час по чайной ложке. Кризис же... Ну, вставай, вставай, когда ещё состав пройдёт. Может, только под утро. Да такой грязный, вонючий!

– Какой же такой?

– Да цистерны с нефтепродуктами! И вот представь: пройдёт он, а ты останешься тут лежать – чёрная, липкая, вся в солярке и бензине, мазуте! Бр-р-р! Да на тебя никто и посмотреть не захочет. Ни первый твой козёл, ни второй, ни вообще какие другие.

– О боже! Нет, такого конца мне не надо!

– И правильно, девонька! Время придёт, и достойный конец тебя сам найдёт. Вставай, пошли ко мне в дежурку. Чаю попьём, по душам поговорим. Ты мне про своих козлов подробнее расскажешь, я тебе – про своих! Ну, пошли, милая, пошли...

Магия лунного света

«Магия лунного света» – первое и уникальное в своём роде издание – сборник статей одного из крупнейших интернет-астросообществ «11 дом». Собранные статьи написаны астрологами-практиками и являются результатом их исследовательской и экспериментальной работы. Книга написана доступным языком, научные положения сопровождаются образными пояснениями и щедро иллюстрируются примерами из жизни.

Представленное издание будет интересно не только специалистам в области астрологии, но и тем, кто делает свои первые шаги в этом направлении, интересуется астрологией, психологией, эзотерикой.

Юлия Вебер

Хабаровск

Так бывает

Уехать в ночь под тихий шум дождя,
Оставив за спиною груз проблем.
Уехать в ночь и обрести себя
В неровном пульсе жизненных дилемм.

Если ты уехать смог,
Значит, смысл с души усталость.
Сплав – начало всех дорог...
Сколько их ещё осталось?
А Урми течёт, зовёт...
Наперёд никто не знает,
Что с тобой нас завтра ждёт.
Так бывает, так бывает...

Уехать в ночь на страх свой и на риск,
С собою взяв палатки, рюкзаки,
Уехать в ночь, услышать утром всплеск
Сукпайских волн и шорохи тайги.

Вьётся над костром дымок,
Унося в туман заботы.
Смысла маленький глоток
В ощущении свободы.
А Сукпай течёт, зовёт...
Наперёд никто не знает,

Что с тобой нас завтра ждёт.
Так бывает, так бывает...

Уехать в ночь... И, может, в этот раз
Нам осознание станет вдруг наградой,
Что хватит жить усердно напоказ,
Творя в душе своей подобье ада.

Ночка звёздная темна,
Чуть трясёт палатку ветром,
На привале тишина,
И костёр подёрнут пеплом,
Но в объятьях крепких снов
Оживают вдруг легенды,
В них основою основ
Служат в жизни перемены.

А Анюй течёт, зовёт...
Наперёд никто не знает,
Что с тобой нас завтра ждёт.
Так бывает, так бывает...

Владимир Вещунов

Нижний Новгород

«Скребётся дождь на подоконнике...»

Скребётся дождь на подоконнике.
В печальном мире – он и я.
На нашей с ним глухой околице
Лишь сонно шепчут тополя.

Сороковины нашей бабушки
Мы отмечаем с ним вдвоём.
Судьбы коварной жалкий баловень,
Забыл её в краю чужом.

Деревню окрестили Веткою;
Она, как дерево, росла.
Вот умирает, стала ветхою,
И баба Маня умерла.

А я, пришелец, вечный странник,
Останусь в отчей стороне
Залечивать лихие раны,
Добытые в чужой стране.

«Попряталось всё живое...»

Попряталось всё живое.

Небо в тыщу громов.

Лишь странничек с сумою

Один среди крестов.

Среди родных – безродный,

Не может отыскать

Тот крестик придорожный,

Под которым мать.

Коль молния укажет

На мамино жильё,

Он с нею рядом ляжет —

Вот здесь и дом его.

Мягкие Холмы

Падает с крыш на дорогу

Белое пламя зимы...

Вот и пришли, слава Богу,

В Мягкие наши Холмы.

В мягкой земле под холмами

Спит наша бедная мать,

Родина наша пред нами —

В который же дом постучать?

В дом ли родной попроситься:

Кто же в нём нынче живёт?

Свет. Занавеска из ситца.

По двору мама идёт...

Марина Вдовик

Новосибирск

«Пять с половиной тысяч километров...»

Пять с половиной тысяч километров
Не значат ничего. Их не заметно.
Что значит расстояние, если мы
Одним стремленьем соединены?

Коснуться мыслью так же, как руками,
Будить сознание глубокими словами,
Творить во имя, восхищаясь, поднимая,
И пробуждая, и раскрепощая...

Делить желанья, вместе побеждать.
Делить идеи, чтобы воплощать.
Когда рождается совместное деянье.
Тогда, действительно, не важно расстояние.

«Тают ли снежинки на твоих руках...»

Тают ли снежинки на твоих руках?
Или остаются, правила поправ?
Крошечные льдинки заберут тепло,
Но не растворятся, будто бы назло.

Каждая снежинка, словно человек,
Вечно уникальна... А все вместе – снег.
Так народ огромный: вместе – неделим.
Но любой растает, если он один...

Я могу словами пробуждать снега,
Так, чтобы снежинки стали крепче льда...
Холод – тоже сила. Главное – суметь
Правильно направить, цели разглядеть.

Владимир Гакштетер

Сочи

Искушение

Я стоял в котловане, раскачивая трубу, как вдруг заметил небольшой кирпичик, выскользнувший из-под трубы. Кирпичик слегка блеснул странным жёлтым оттенком. Бросив трубу, я наклонился и поднял предмет. Это был небольшой кирпичик чёрного цвета, но я сразу понял, что это золото. Слиток был изначально во что-то завёрнут, а обёртка рассыпалась от времени, обнажив блеск. Кладоискатели годами с вожделением ждут этого момента. О чудо! Они нашли клад! Но как им, может всю жизнь посвятившим кладоискательству, узнать, что клад нашёл совершенно случайный человек.

И этим человеком был я!

Переезд

Первые десять лет нашей супружеской жизни жили мы с женой и двумя детьми в однокомнатной квартире. Тесно, конечно, но куда деваться! Моя работа в милиции дохода не давала. Но тем не менее к двухтысячному году небольшая сумма у нас образовалась. И задумали мы хоть как-то расшириться. Стали покупать газету с объявлениями. Я, как всегда, энергично за это взялся, стал фиксировать разные объявления, звонить, уточнять. Подходящего ничего для нас

нет. Все хотят продать подороже, купить бесплатно. Получается, что моя квартира в пятиэтажке – отстой полный, а их сараи чуть ли не золотом отделаны. Наверное, около года мы безрезультатно дёргались, смотрели квартиры, показывали свою и уже духом упали. И вот однажды вечером в обычной газете, рядом с телепрограммой, я увидел объявление о продаже земельного участка с домом. Меня удивил адрес. Это была улица рядом с нами. Без особой надежды мы шли с женой смотреть дом. Участок оказался не с одним, а с двумя небольшими домиками – как раз то, о чём мы мечтали! Точнее – даже мечтать не могли... Купили!

И вот мы уже собственники участка с домом. Кто когда-нибудь переезжал из многоквартирного дома в частный – с садом, огородом – может представить наше состояние в то время. А состояние это – эйфория от первых посаженных цветов, овощей, фруктовых деревьев. Это ежедневный бесконечный кайф от вечернего отдыха в гамаке, в беседке. Что много говорить, первое время мы просто порхали от кустика к кустику, от дерева к дереву. Что это всё труда требует – так оно тоже в удовольствие! Земля, знаете ли, это на любителя, далеко не всем нравится в ней возиться, но нам понравилось.

Поселились мы в одном доме, а другой решили снести, чтобы строить большой дом. Но деньги закончились, и все предварительные работы по строительству я решил начинать сам, хотя в жизни ничем подобным не занимался. Первой решил снести веранду. Она оказалась пристроена к основ-

ному дому. Залез на крышу и давай снимать шифер. А как его снять, если он с тридцать второго года лежит. Всё в руках рассыпается. Но прошёл один день, и крыши как не бывало! Я ободрился и давай кромсать. Снимаю доску или раму оконную и несу к забору в кучу. Набралось на самосвал. Звоню водителю, грузу с ним машину, плачу ему, конечно. Были, правда, большие брёвна, тяжёлые очень, так я их на месте распиливал бензопилой. И так три месяца.

Через три месяца на месте старого дома осталась яма и бетонные столбики, на которых дом стоял. Как я ждал этого момента, когда начну размечать дом! Чуть ли не с песней забивал колышки. Затем нанял экскаватор, и он мне раскопал и расчистил котлован под фундамент. Землю тот же самосвал вывозил. С одной стороны котлована в земле оказалась чугунная труба – старая водопроводная магистраль. Одну двухметровую трубу выкопал экскаватор, а другая уходила дальше в грунт. Я и решил её выкопать, как раз для дренажа подошла бы. Но просто решить – непросто сделать. Прокопал я траншею по ходу трубы, начал её шевелить, раскачивать. Да уже пожалел, что связался. Труба крепко сидит, пришлось расширять траншею, подкапывать под неё.

Кирпичик

И вот тут произошло то, что и явилось темой, основой этого рассказа. Труба уже подалась, качается вправо-влево. Я

стоял в котловане, раскачивая её, как вдруг заметил небольшой кирпичик, выскользнувший из-под трубы. Кирпичик слегка блеснул странным жёлтым оттенком. Бросив трубу, я наклонился и поднял предмет. Это был небольшой слиток золота. Он был чёрного цвета, но я сразу понял, что это золото. Слиток был изначально во что-то завернут, но обёртка рассыпалась от времени, обнажив блеск. Кладоискатели годами с вожделением ждут этого момента. О чудо! Они нашли клад! Но как им, может всю жизнь посвятившим кладоискательству, узнавать, что клад нашёл совершенно случайный человек. И этим человеком был я. В жизни не поверил бы, что такое произойдёт именно со мной. Слегка промыв слиток под проточной водой, я обнаружил на нём герб Российской империи и надпись: «1 кило». Немедленно в памяти всплыла информация о золотом запасе России, о царском золоте, почти исчезнувшем после революции и во время гражданской войны. Читал несколько публикаций на эту тему... Затем вдруг меня осенило, что там, возможно, не один слиток, а настоящий клад. Бегом побежал к трубе, сунул под неё руку и вытащил ещё один слиток. Мою работу лопатой при выкапывании трубы можно показывать как образец высокой производительности труда. Труба немедленно была вытащена и валялась на дне котлована. Под трубой в рядок лежали ещё семь слитков. На моё счастье, дальше по ходу трубы был огород, и я, не задумываясь, повыводёргивал всё, что там росло и могло помешать. За два часа я вскрыл третью трубу и

даже вытащил её, но ничего больше не нашёл. . .

Найденные слитки я завернул в пакет и спрятал в кладовке. Никому, даже жене я ничего не сказал. А в душе у меня началась настоящая золотая лихорадка. Как вспомню, что отдавать клад надо – сердце заходится. Даже посчитал: выходит, один только слиток тянет на три миллиона! А все девять – это ж состояние! Тут и дом, и всё, что в нём! А что «ихние» двадцать пять процентов? Хожу как шальной. Жена ко мне: «Что с тобой, Игорёк, творится? Устал с этим домом, тормозни! Какие наши годы? Успеешь построить». Мне только ей ещё не хватало рассказать. Сбесились бы оба.

Неделя прошла, другая, и начал во мне мент просыпаться. Это как же – думаю – я всю жизнь с такими боролся, а теперь пойду налево толкать золотишко? Да ещё сколько! Как пить подставят – за честь сочтут. Решил подключить друга своего, следователя Сергея Волошина.

– Привет, Серёга! Заходи вечером, покажу что-то.

– Это что же я у тебя там ещё не видел?

– Такого ты у меня точно никогда не видел.

Пришёл, увидел – глаза как блюдца.

– Ты где это надыбал?

Показал я ему траншею, трубу, вызвали мы на следующий день спецов с приборами да весь участок прозвонили как следует – нет ничего больше.

– Игорь, не дури! – стал пытаться меня друг. – Где десятый слиток?

Он, как и я, решил, что десятый слиток должен быть где-то. Стали мы вместе думать. А что долго думать? Золото – товар криминальный, мимо нашего учреждения на должен бы пройти. Взяли домовую книгу. Дом построили в тридцать втором году. Затем по наследству он переходил, а в сорок девятом его продали. Купил дом военный, фронтовик-орденоносец Власенко. Поискали его в архивах. И точно, есть такой! Оказывается, в пятьдесят третьем его с поличным задержали при попытке продать кусок золотого слитка. Сам слиток дома нашли. Вот он и десятый слиток нашёлся. Мужуку десять лет дали, учитывая заслуги. На следствии сказал, что под домом нашёл, да бес попутал, хотел продать и пожить в старости. Пожил...

Оставалось выяснить, откуда у фронтовика десять слитков. Мы выяснили, что как раз в то время прокладывали водопровод для новой улицы, и траншея проходила через участок Власенко. За то, что он разрешил проложить трубу, ему на участке врезали кран. Значит, положить слитки под трубу мог только он. Обратились с запросом в колонию. Там удивились, но информацию выдали. Таким образом мы узнали, что Власенко Евгений Васильевич прибыл в колонию для отбывания срока в пятьдесят четвёртом году, вышел в шестьдесят четвёртом и отправлен для проживания в город Березники. В течение пяти лет ему было запрещено выезжать в крупные города СССР. Немедленно отправляем запрос в Березники, и через месяц у нас на столе лежит справка с ука-

занием точного адреса...

Березники

С замиранием сердца иду по улице Березников. Вот и дом. Что меня ждёт, какой получится разговор? Много лет прошло, может, не захочет он со мной разговаривать, отправит куда подальше. Смотрю через калитку и вижу: во дворе за столиком сидит пожилой мужчина. Стучу. Мужчина встаёт и направляется к калитке.

– Да! Я Власенко! А по какому поводу и кто Вы? – отвечает он на мой вопрос и задаёт свой.

Стараюсь ответить так, чтобы не настроить сразу против себя. Но Евгений Васильевич, судя по всему, прошлое прожил и просидел, а потому, ещё и при своём возрасте, ко всему относится с размышлением и немного даже с юмором. Дружелюбное отношение ко мне хозяина немного успокоило... На улице было довольно прохладно, и хозяин пригласил в дом, где его жена – шустрая круглолицая старушка – в момент накрыла на стол. Я рассказал ему историю со слитками, ничего не утаивая, и даже того, что искушение постигло и меня.

– Вот видишь, даже тебя этот золотой дьявол пытал, – засмеялся Евгений Васильевич. – А что я, обыкновенный человек? Ты знаешь, первое время там, в тюрьме, мечтал, что выйду, выкопаю золото, заживу, как король. Милицию – или

как там вас теперь, полицию? – ненавидел: готов был любого из вас задушить. Но время прошло, поразмыслил я, с хорошими людьми повстречался. Сам ведь виноват! Менты – они только свою работу делали. И хорошо делали, раз меня повязали. За что ж ненавидеть? Вот покушаем да пропустим по маленькой (гости у нас сейчас редко бывают, так я и рад), а потом сядем на диванчик, да я и расскажу тебе такое, что только в романах писать. Куда этим сериалам!

Я был голоден, но, заинтригованный таким началом, ел нехотя. Водка прошла, как вода, хотя бутылочку мы с Евгением Васильевичем приговорили. Наконец обед закончился, и мы расположились на диване.

– Когда началась война, мне было двадцать пять лет, – начал Евгений Васильевич. – Конечно, с первых дней войны я попал на фронт. Отступал с частью от Минска, а под Оршей мы попали в окружение. Так я оказался в концлагере, размещённом на территории бывшего женского монастыря. Кормили нас ужасно, а вкалывать заставляли за троих. И вот однажды нас построили и погнали не в карьер, где обычно работали военнопленные, а в сторону леса, к железной дороге. На путях стояли пустые вагоны, нас же повели в лес, где вдоль дороги стояли, лежали на боку грузовики. Грузовиков много, целая колонна. Все они были груженные большими и маленькими ящиками. Очевидно, наши пытались вывести колонну в тыл, но не успели. Вот этот груз мы и должны были погрузить в вагоны. Берём по ящику и несём к железной

дороге. Там немец смотрит и показывает, в какой вагон положить ящик. А немцев вокруг – тьма, с собаками, стоят на расстоянии не больше трёх метров друг от друга – мышь не проскочит. Носим мы ящики. Я с первого дня плена знал, что сбегу, так вот ношу и поглядываю по сторонам. Там, в лесу, немцев столько вокруг, что дёргаться и смысла нет. На опушке и дальше, где больше обзор, мы шли по дороге метров двести практически по полю. Немцев меньше, но тоже напихано будь здоров.

Спасительница

Евгений Васильевич, посмотрев на моё серьёзное лицо, засмеялся:

– Что? Заинтриговал я тебя? Дальше будет ещё круче. Ну так вот, там в одном месте около дороги росла просто огромная ель. На одном корню несколько стволов, и низ ёлки как юбка. Немцы вдоль дороги стояли до ёлки и после неё, а вот у ёлки никого не было, и, как я позже понял, у них не было обзора. Даже не заметил, как оказался в этой юбке. Мужики сомкнулись и понесли ящики дальше. И тут я вдруг испугался. Просто умер со страха. Ведь теперь крышка – найдут и убьют! Опять-таки собаки, о которых я не подумал. Стоявшие рядом фрицы ничего не заметили, но вдоль дороги проходил немец с собакой. Она зарычала и бросилась к ели. Немец остановился, подошёл ближе. Я даже дышать

перестал. А он всё ближе, и собака аж хрипит, душится в ошейнике. И в этот момент у меня из-под ног вдруг что-то так рвануло в сторону дороги, что я уже от этого чуть не закричал. Лисица смогла пробежать всего метров пятьдесят: автоматная очередь – и всё... Я-то решил, что в меня стреляли, и почти сознание от страха потерял. Немцы заржали от удовольствия. Где б ещё им представилась возможность поохотиться?! А собака меня чует и всё равно ломится к ёлке. Немец подошёл, поднял лапы-ветки ёлки, слава Богу, не с моей стороны, а там нора лисья оказалась. Он достаёт одного щенка, который визжит и тявкает по-собачьи, затем другого. Фрицы вроде бы удовлетворились, а собака всё же нет, так и рвётся. Но её хозяину уже это надоело, и он насильно увёл свою псину. По времени это был примерно обед, а работы велись допоздна. И вот эти все часы, а за ними ещё практически всю ночь я лежал почти без дыхания под моей ёлкой. Только рано утром очнулся от страха и смог пошевелиться. Я осмотрелся: вагонов не было, как и людей вокруг, вылез из своего убежища и хотел быстренько слинять в лес, но вспомнил про ящик. Походив вокруг и подняв штык от винтовки, попробовал открыть его. Это было сложно, но получилось. В ящике оказались завёрнутые в пергамент золотые слитки. Их было ровно двадцать штук. И, хотя шла война и возможность использовать их по назначению была совершенно нереальной, я решил спрятать их в лисьей норе. Забил ящик, положил его в нору и засыпал её землёй. За-

тем внимательно осмотрелся, чтобы запомнить местность, и рванул в лес.

Странно, что живой

Я сидел, совершенно изумлённый и поражённый услышанным. В жизни не встречал человека, пережившего подобное, а тут довелось даже поговорить с ним. О Великой Отечественной написано много. Имена Алексея Маресьева, Зои Космодемьянской и тысяч других были всегда на слуху и уже превратились в легенды, но сидеть рядом и слушать рассказ человека, жившего в то время и видевшего всё это! То, что он остался живой, – это удивительное стечение обстоятельств. При этом я почти забыл про слитки, а, широко раскрыв глаза, слушал его рассказ.

– А вот про слитки с того дня я не забывал никогда. Где бы я ни был, куда бы меня ни направляли, вспоминал о них и верил, что непременно вернусь за ними. Я не алчный по отношению к золоту, мало того, не представлял себе в то время, что буду с ним делать. Просто с детства по жизни знал, что золото иметь хорошо, золото – это богатство. Я ежедневно помнил о нём и верил, что вернусь. Кто знает, может, эта вера меня и спасла на войне от гибели. Не так важно, во что верить, важно верить по-настоящему. В то время я несколько дней ходил по лесу. Ел дикие, не созревшие ещё яблоки и груши, от которых болел живот, ягоды, но голодный

был очень. К огородам даже не приближался, боялся собак. Я слонялся недалеко от опушки леса, когда услышал треск мотоцикла. Выглянул из-за кустов. По дороге ехал мотоцикл с двумя немцами. Они остановились, и один из них направился к деревьям, прямо на меня. Немец присел справлять свою нужду, тут я его и ткнул штыком – единственным своим оружием. Попал в шею. Немец заорал, потом схватился за горло, кровь хлестала струёй, и он упал. Второй немец окликнул его, вскинул автомат – и тут щёлкнул выстрел. Второй тоже был готов. Из кустов неподалёку ко мне подошли двое ребят. «На нашу добычу покушаешься», – шутя произнёс один из них. Мы познакомились. Это были разведчики-партизаны. Так я и попал к партизанам. Мы нападали на автоколонны, обозы, минировали мосты, поджигали вагоны, цистерны. Пакостили фрицам, как могли. До сорок третьего мотался по тылам немцев, а когда освободили Смоленск, наша партизанская бригада вошла в состав регулярной армии. От Смоленска почти до Берлина воевал, как надо. Несколько медалей заслужил. А в последние дни войны чуть было не закончилась моя жизненная история. Недалеко от Дрездена есть маленький городок, а там речка небольшая, Мульда называется. Через Мульду навели понтон, а нашему взводу поручили охрану переправы. Взвод – это громко сказано. В тот момент нас осталось двенадцать человек. Ну мы, как положено, сразу вывели окопы в полный рост. «Хочешь жить – копай лопатой» – первая заповедь пехоты. Только у себя

расположились пообедать, как кричат: «Танки!» Танков было всего два, а один из них и не танк, а самоходка «Фердинанд». Вот эта самоходка и прёт на меня. За ней бегут немцы. Теперь они уже были не такие наглые, как в начале войны, из-за брони и нос не кажут. Но мы-то тоже мордой песок не гребли, как раньше. Отбежал я в сторону от самоходки и, как гусеницы её прокатились через окоп, поднялся и вижу: немец ко мне бежит. Снял его из автомата, а там ещё трое, у меня для них граната... Ну, фрицы залегли. Я сейчас не корчу из себя героя. Всё опытом досталось, и действовал, как на автомате, – без раздумываний. Мы тогда и бояться не успевали. Самоходка проскочила всего метров на сто от меня, да как рванёт! Видно, весь боекомплект сдетонировал. Я левым ухом был в ту сторону. Так с тех пор ухо и не слышит почти. Что только не делали врачи! Оглянулся я тогда: смотрю, танк тоже горит, немчура ползком назад, прижучили мы их. Расслабились мы, все двенадцать живые. И помощь, кстати, нам подоспела. Мой дружок посмотрел на меня:

– Женья! Ты ранен! Всё плечо и рука в крови.

А я в горячке и не заметил, как осколок мне пол-уха оттяпал, кровяца. Меня ребята перебинтовали, как куклу, а тут наш полковник заявился.

– Спасибо, братцы! Если бы не вы, эта самоходка нам бы такую переправу задала! – говорит и ко мне поворачивается.

– Что, ранен, герой? Давай в санчасть, пока затишье.

– Разрешите, товарищ полковник, остаться здесь, я ведь

только контужен немного, а как же Гитлер без меня помрёт вдруг?

Так я и сказал ему в точности. Он засмеялся:
– Запиши, что отказался! – говорит адъютанту.

Я от того, что рядом сижу с таким мужиком, млею от уважения, а он и доволен: нечасто, видно, слушатели находятся. Долго ещё про войну рассказывал, своих друзей перечислял, где кого похоронил. Немцы сегодня выпендриваются, русские у них агрессоры, опять Москва – враг номер один. А Евгений Васильевич и сегодня их дрездены и лейпциги могилами друзей своих меряет, да помнит, сколько он сам гадов положил.

Золотой запас

– Закончилась война дней через пять после той переправы, – продолжал Евгений Васильевич. – Мы, конечно, по-праздновали знатно, отметили победу. А потом чистить нас начали. Как я не хотел от своих ребят уезжать, а заставили! Только совершенно здоровых оставляли. Вот меня с моим куском уха, контузией и списали в запас. Попсиховал немного, да про своё золотишко и вспомнил. Эшелоном в Смоленск, Оршу. Нашёл то место. Ёлка моя стоит, родная, только вокруг мелколесье подросло. Я и устроился лесником в лесничество, к ней поближе. Год почти поработал, жил в об-

щежитии, впятером в комнате. Золотишко туда не возмёмшь. Из Москвы награда меня нашла. За ту переправу, за ухо моё орден Красной Звезды дали. Нацепил к медалям орден, да и женился мгновенно. Работала она там же, в лесничестве. Дали нам квартиру, а ещё через год сын родился. Я десять слитков и принёс домой. Спрятал под пол, жене ни слова. А вовремя забрал половину клада! Пришёл туда через неделю – рядом с ёлкой моей стоят вагончики, кирпичный завод начали строить, ведь железная дорога рядом, удобно. Ещё через месяц и вовсе то место распахали, площадку готовили под фундамент. У меня словно что-то в сердце оборвалось. Переживал. И так сложилось в душе, что уговорил жену свою уехать оттуда. Вот и попали мы в ваш город. Купили домик, живём, как все. Слитки прикопал под домом, а на душе беспокойно. Такое количество золота, я слышал, на расстрельную статью тянет. Так и дерёт душу, что же с ним делать, куда спрятать, чтобы и с прибором не нашли? К тому времени проводили мимо нас линию водопроводную. Прораб и зашёл ко мне, мол, если позволишь через участок линию провести, кран тебе во дворе поставим. Тогда ни у кого во дворах, в домах краны не устанавливали. Обычно на углу улицы, переулка один кран на десять-пятнадцать дворов. Как было не согласиться? А когда прокопали траншею, я и понял, куда спрячу слитки. Под трубой их ни один прибор не найдёт. Дело сделано, но в последний момент бес поптал, и я решил один слиток оставить. Думал, разрежу и

по кусочкам продам. Лишний раз подтверждаю: чтобы заниматься любимым делом, нужно хотя бы что-то о нём знать. А я выскочил и – попался сразу на подставу. Отсидел в колонии год и получил от жены письмо с известием, что сынок мой умер – беда, видно, одна не ходит. Написал жене, чтоб не ждала меня. Ничего уже туда меня не тянуло, а тем более слитки. И думать о них забыл. Отбарабанил десять лет и только тогда узнал, что ещё пять должен жить в Березниках. Здесь и нашёл свою судьбу; и жену, и трёх детей, и теперь внуков. Как нашёл её, так это своя история. Обедать ходил в столовую, где она работала. Смотрю: ходит между столиков, грудь – во-о, щёки – во-о! Настоящая русская женщина. В эти щёчки да в тыковки мои и влюбился с первого дня. Я в жизни по бабам не ходок, пригласил на свидание, в первый же день поцеловал, а на втором свидании предложил замуж за меня. Она, видно, сгоряча да и согласилась. Мужикам-то вокруг совсем другое нужно. Потом, когда дети пошли, что уж... Ходим иногда в гости к одним знакомым. Он говорит: «Вот моя комната, моя постель. Вот комната жены». Дивимся мы: как это врозь спать? Мы ложимся, она мне головку на плечо и, как в неведомое царство, улетаем. Не могу без неё спать. Она в больнице, а я ночей не сплю, хожу по дому, как неприкаянный. И вот скажи – любовь это или нет? А ещё объясни мне: неужели ему, там наверху, надо было мне столько испытаний, искушений в жизни сделать, чтобы здесь, в этом холодном краю, я смог найти своё настоящее

счастье.

Еду я домой и думаю, что лучше бы Евгений Васильевич продал тот слиток да пожил нормально. Не обеднело бы наше государство. А с другой стороны, не было бы у него любимой жены, детей, внуков. Не поймёшь нас, человек, всё нам не так...

С чем я еду домой? На все вопросы найдены ответы. Но человека какого встретил! Громадину! Да рядом с ним эти десять килограммов золота – просто песчинка...

Вот где наш золотой запас!

Гармония по-рыжему

Анна Андим

Анна Андим

ГАРМОНИЯ
ПО-РЫЖЕМУ

Всё на свете стремится к равновесию, и волшебный мир не исключение. Люди, животные, птицы, магические существа... Сказка и реальность тесно переплетаются между собой, заимствуя друг у друга характерные черты и особенности. Сборник «Гармония по-рыжему» не только подскажет, можно ли с помощью хитрости и колдовства достичь желаемого; расскажет о том, как бывает в тех местах, где звери разговаривают, пользуются заклинаниями, летают драконы, а ведьмы меняют судьбы людей, но и объяснит происхождение знакомых понятий в фантазийной, сказочной форме, интересной как детям, так и их родителям.

Екатерина Годунова

Суворовская, Ставропольский край

«Любимый, вы меня не любите...»

Любимый, вы меня не любите,
Вы не обучены любви.
Мою вы душу просто губите,
А ведь порадовать могли.

О чувствах шутите, злословите,
Я улыбаюсь и терплю.
Любимый, вы меня не стоите,
Напрасно вам себя дарю...

«Граната красное тело...»

Граната красное тело
Рвала на куски и ела...
Тяжёлые капли сока
Дарили мне дух Востока...
Струился нектар по венам
Горячим огнём Вселенной...
Я «спарить» с душой посмела
Граната красное тело...

«Жизнь словно кофе: то горько, то сладко...»

Жизнь словно кофе: то горько, то сладко.
Хаоса много, мало порядка.

Мысли рождаются – дни умирают.
Горя с избытком – любви не хватает.

Вместо пшеницы ненависть зреет.
Души незрячие, души болеют.

Что-то не ладится, что-то не гладко.
Жизнь словно кофе: то горько, то сладко...

«Лета кубик внутривенно...»

Лета кубик внутривенно,
Солнца шарик под язык...
Жаль, что в мире всё мгновенно,
Крик младенца – вдовый крик.

Пробужденье. Полдень. Полночь.
Дней цветная мелькотня...
Жизнь оттачивает почерк,
Пишет книгу про меня...

В холода я будто пленный,
Сил и радости впритык...
Лета кубик внутривенно,
Солнца шарик под язык...

Андрей Голубь

Владивосток

Венский поездок

В посёлке Покрышкино на улице Ленина помер местный слесарь Антип. Мужик он был простой, жил как все – не то чтобы бедно, но и не то чтобы богато, с соседями был относительно дружен, жену не бил, детей не ругал. Привычек скверных Антип не имел, выпивал, как все, разве что песни горланил матершинные, когда подопьёт, но это уже было его, Антипа, дело, где и что петь, и никто из местных его за это не корил. Добра за жизнь слесарь Антип скопил немало, но добро это было неказистым и простым, а на другое Антип не заработал.

Похороны Антипа прошли через три дня по всем поселковым канонам – гроб на табуретках, причитающие старухи и длинная дорожка из гвоздик. Жена слесаря, прождав положенные сорок дней, укатила с соседом и детьми залечивать душевную рану на юга, а квартиру оставила одной бдительной соседке. Рано утром она вручила ей ключи с наказом раздать всё, что имелось в доме, всем желающим. Старушка эта после отъезда Антиповой жены добросовестно написала записку на доску объявлений, а к вечеру слегла с сердечными болями и уехала в больницу на карете скорой помощи. В записке говорилось следующее:

«В пятницу раздам Антипа, покойного слесаря, вещи всем желающим. Валентина. 15 кв.»

Первым эту записку увидел местный хулиган, который шёл рано утром в игровой клуб прогуливать уроки. Ведомый, как позже скажет участковый, хулиганскими мотивами, он подписал на клочке слово известное, но некультурное, поэтому здесь оно напечатано не будет. Местный дворник, увидев безобразие, отходил шалокая метлой, а записку исправил, чтобы не вызывать возмущения местных жителей.

Не успели ещё покраснеть следы от прутьев метлы под брюками хулигана, как из подъезда вышла семья Куриных в полном составе. Отец с сыном несли ковёр, чтобы просушить его на заборе, жена с дочерью шли следом и несли два таза белья, спеша занять свободные бельевые верёвки. Младший Курин заметил объявление и остановился.

– Папка, гляди! Бабка Валентина вещи Антипа покойного раздавать будет! Пишет про поезда какие-то!

– Антип, я слышала, в депо работал по молодости, – добавила жена. – Нужно будет сходить посмотреть.

– Вот это дело! Может, там инструмент какой завалялся, сходим, – ответил отец.

Мимо подъезда прошёл пенсионер из соседнего дома, беглым взглядом он окинул доску объявлений и сел за столик во дворе, чтобы немного отдохнуть в теньке, к нему подсели ещё два местных жителя, достали домино, начали играть. Один из них припомнил покойного Антипа и его набор инструментов.

– Шабашить приходил всегда со своим, – сказал один из

них, звонко щёлкая по столу костяшкой домино, – даже сварочный аппарат содержал.

– В пятницу Семёна зашлём на разведку, нехай поглядит, – ответил другой.

Со стороны кооперативных гаражей во двор направлялась целая компания местных маргиналов-алкоголиков, которые ещё до обеда успели изрядно принять на грудь и теперь слонялись и бездельничали. Новое объявление привлекло их внимание, когда до подъезда оставалось ещё метров десять.

– Работа там, может, какая, – произнёс один из них и ускорил шаг.

– Если работа, то я пойду, мужики, мне нужнее, – ответил второй. Все втроём они подбежали к доске и принялись жадно читать.

– Поезда, мужики! Поезда! Вы себе представляете? У моей тётки в детстве был венский поездок с рельсами и гудочком. Так она его потом у какого-то коллекционера на песцовую шубу выменяла! Храни Боже Антипа, покойного раба твоего!

Неожиданно на первом этаже, в квартире, окна которой выходят прямо на доску объявлений, дёрнулась занавеска, за которой скрывалось суровое лицо заместителя старосты дома Елены Карловны. На старости лет слух уже начал её подводить, поэтому основные моменты из этого диалога она выписала в специальную тетрадку. Красной ручкой Елена Карловна обвела слова «венский поездок» и «песцовая шуба».

Дважды попытавшись дозвониться в пятнадцатую квартиру, Елена Карловна набрала на телефоне номер соседки сверху.

– Ирина Олеговна, добрый день. Возмутительно, не то слово! Валентина дорогостоящие вещи покойного Антипа в обход жилищного комитета раздаёт! В частности песцовую шубу и дорогой венский поездок! Да, конечно, надо разобраться. Я схожу к ней, попробую разузнать, что к чему. И вам всего доброго, Ирина Олеговна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.